Начало воспоминаний

Гарри работал над домашним заданием на рождественских каникулах, чтобы убрать его с глаз долой и иметь больше времени для самостоятельного изучения. В первые выходные после возвращения в школу он отправился исследовать Тайную комнату. Гермиона и Рон действовали ему на нервы, да и гнетущая атмосфера, навеянная дементорами, не способствовала хорошему настроению. Для такого человека, как Гарри, у которого было слишком мало воспоминаний, которые можно было бы назвать счастливыми, и слишком много воспоминаний, связанных с жестоким обращением и издевательствами, высасывающие душу стражи Азкабана стали идеальным уязвимым местом. Профессор Люпин мог быть уверен, что больше всего Гарри боится самого страха. Гарри знал другое. Он боялся напоминания о своей жизни в этом месте: нелюбимом, незаботливом, напоминающем о ничтожности его существования и безразличии мира к его судьбе. До сих пор Хогвартс был для него своеобразной гаванью, где он мог притворяться, что все в порядке, а теперь, когда он лишился этой уверенности, Гарри обратился за помощью к взрослому, чтобы тот помог справиться с дементорами.

Последние два года им руководило не мужество, а полное пренебрежение к собственному благополучию. Но сейчас ему хотелось проявить себя как никогда, тем более что убийца его родителей и их предатель на свободе, и Гарри хотел убедиться, что его не застанут врасплох. Его родители не хотели бы, чтобы он пошел и убил себя; напротив, они пожертвовали своими жизнями, чтобы у него было будущее. Будущее, на которое он жалел, что потратил столько времени впустую, чем занимался последние два года, не прилагая никаких усилий для собственной безопасности и образования. Единственными экзаменами, которые имели значение, были СОВ и ЖАБА, так что до пятого курса он мог провести три года, занимаясь самообразованием и находясь в относительном отсутствии внимания. Не то чтобы проблема с Блэком как-то помогала в этом отношении. Он получал взгляды от жалостливых до тех, что говорили: "Не делай глупостей". Это нервировало и раздражало. Никто не присматривал за ним, когда он подвергался насилию со стороны Дурслей, издевательствам в школе или сталкивался с Волан-де-Мортом в той или иной форме. Ему не нужна была их жалость, и он не собирался бросать жизнь, ради которой его родители пожертвовали собой, в погоне за безумцем.

В кабинете, который, возможно, когда-то был кабинетом Салазара, раздавалось лишь тихое царапанье пера по пергаменту. Здесь стоял рабочий стол с мягким креслом, табурет, несколько шкафов с книгами и свитками и пустая портретная рама.

"Вот это сюрприз. Я и не думал, что когда-нибудь увижу здесь кого-то", - услышал Гарри культурный голос. От испуга он нечаянно сломал перо и огляделся. Это место было его убежищем, местом, куда не мог войти никто, кроме него самого и только Волан-де-Морта. А поскольку он не был мертв, это исключало Волан-де-Морта.

"Посмотри на портрет, - подсказал голос. В недавно заполненной раме стоял человек, одетый в то, что, возможно, когда-то было модной и дорогой одеждой. Его шею украшала змея, и, судя по капюшону и длине, это была, вероятно, королевская кобра. Гарри с любопытством смотрел на мужчину, который с нежностью гладил змею. Он догадывался, кто этот человек, хотя сходство между портретом и статуей на улице было незначительным. Это был не тот образ Салазара Слизерина, который он имел в виду. У него были красивые черты лица с вьющимися черными волосами и лазурные глаза, в которых плясало озорство. На его лице не было ни

злобы, ни высокомерия, ни даже усмешки, которая сегодня украшает лица многих представителей дома основателя. Гарри по собственному опыту знал, что репутация - не лучший способ судить о людях. В конце концов, его называли неизлечимым преступником, спасителем, Темным Лордом и тому подобными людьми, но он не был таковым. Навязчивое нарушение правил, убийство одержимых преподавателей Тёмного Искусства и похищение некомпетентных преподавателей защиты от Тёмных Искусств, чтобы помочь сразиться с тысячелетним василиском, были исключениями, а не нормой.

"Вы, должно быть, Салазар Слизерин", - воскликнул Гарри, преодолевая первоначальный шок.

"Действительно, я. И у тебя есть понимание Годриком того, что очевидно, и дурные манеры, раз ты не представился", - последовал саркастический ответ. И снова вместо злобы голос был дразнящим.

"Я Гарри Поттер, третий курс, учусь в Гриффиндоре, - ответил Гарри и шагнул вперед, чтобы оказаться лицом к портрету.

"Так вот ты какой. Сними очки. Хм-м-м. Лишь спустя тысячелетие я могу лицезреть одного из своих потомков", - тихо проговорил Салазар. Его было почти не слышно, но для такого человека, как Гарри, обладающего более острыми чувствами, чем большинство других, это было легче уловить.

"Я сожалею, сэр, но я не ваш потомок", - сообщил Гарри подобию старшего мужчины.

"Тогда как вы объясните свое присутствие здесь, в месте, куда может попасть только тот, в чьих жилах течет ее и моя кровь?" - быстро ответил Салазар.

"Видишь ли, твой последний живой потомок пытался убить меня, когда мне был всего год. Моя мать сделала что-то, что отразило его убивающее проклятие, и он потерял свое тело. Дамблдор, нынешний директор школы, говорит, что в ту ночь он передал мне часть своих сил, и у меня остался шрам, который болит от его близости", - ответил Гарри.

Портрет некоторое время молчал, явно обдумывая его слова.

"Это чушь", - проворчал Салазар. "Ты мой потомок, и точка. Что касается так называемой передачи силы от одного волшебника к другому, то если бы это было возможно, разве не должны были бы все ведьмы и волшебники убивать друг друга, чтобы обрести непостижимую силу? Хотя приобретение магических свойств через жертвоприношение возможно, передача силы между людьми невозможна. Единственный способ, который возможен, - это спаривание могущественных родителей для получения более могущественных детей. Но даже это не всегда удается. С твоим шрамом определенно что-то не так, он выглядит слишком сырым для того, чему уже больше десяти лет, но это мы обсудим позже".

"Я не могу быть твоим потомком. Мой отец был чистокровным волшебником, а мать -

маглорождённой ведьмой. Если бы Поттеры состояли с вами в родстве, то все бы об этом знали", - твердо отрицал Гарри.

"Хорошо, тогда ответь вот на что. У тебя глаза твоей матери? Твою мать назвали в честь цветка?"

"Откуда ты это знаешь?" воскликнул Гарри, - "Я имею в виду, что да, у меня глаза моей матери, и ее звали Лили".

"Добродетель и невинность. В семье моей жены была традиция называть девочек в честь цветов, и у нее были такие же глаза, как у твоей матери и у тебя".

"Но это было почти тысячу лет назад, и у многих семей есть подобные традиции, и у многих людей такие же глаза, как у меня", - продолжал отрицать Гарри.

"Тот факт, что ты сейчас стоишь здесь, является достаточным доказательством. Я наложил чары, защищающие всю палату, но именно моя жена добавила чары в кабинет, спальню и кладовую, чтобы никто из других моих потомков не смог проникнуть в эти покои и воспользоваться различными ресурсами, которые я здесь хранил", - спокойно рассуждал Салазар, хотя при упоминании жены и других потомков в его лице промелькнули воспоминания и сожаление.

"Ваша жена и другие потомки? Разве у вашей жены и у вас нет общих потомков?" спросил Гарри с немалой долей замешательства в голосе.

"В те времена социальные нормы и нравы отличались от сегодняшних, и идея полигамии или, в некоторых местах, полиандрии не вызывала нареканий, в то время как в наши дни это уголовно наказуемо. Я был торговцем по профессии и поэтому много путешествовал, поэтому постельные отношения с женщинами в разных местах были для меня занятием, которому я часто предавался. Помню, я не раз превращал соблазнение в игру с Годриком, соревнуясь, кто больше женщин уложит в постель", - выражение лица Салазара было таким, словно он погрузился в воспоминания о хороших временах.

http://tl.rulate.ru/book/102958/3566281